

Глядя вслед удаляющемуся Су Минья, Гу Сяодун замер на мгновение, а затем столкнулся лицом к лицу со своим дядей по материнской линии, Ань Чжэньвэнем, который как раз выходил из внутренних покоев.

Клан Ань славился своей красотой. Ань Чжэньвэнь был совсем молод и неуловимо походил на Ань Жои; в его облике сочетались книжная утонченность и строгая серьезность, присущая истинным ученым мужам.

Гу Сяодун, как велели правила приличия, склонился в вежливом поклоне и почтительно поприветствовал его:

— Господин Ань.

Тот окинул племянника долгим, внимательным взглядом и ровно произнес:

— Ступай внутрь, молодой господин.

С этими словами он направился вслед за Су Минья. Вскоре обе фигуры, взрослая и юношеская, скрылись за воротами усадьбы.

Проводив их взглядом, Сяодун шагнул во внутренние покои. Сняв подбитый мехом плащ, на котором еще белели крупы снега, он прошел дальше. В комнате уютно потрескивали угли в жаровне, пахло лекарственными травами, а легкие полупрозрачные занавеси едва заметно колыхались. Здесь было тепло и мягко, точно в погожий весенний день.

Первой он увидел свою вторую сестру, Гу Жухуэй. Она стояла у шелкового полога с чашей лекарства в руках. Со спины ее хрупкий, изящный силуэт казался почти неземным, сошедшим с древних свитков. Но стоило ей повернуться, как эта утонченность мгновенно уступила место твердости во взгляде. В ее чертах сквозила та упорная, деятельная сила, которую можно выковать лишь в гуще мирских забот и упорной борьбы.

Гу Сяодун поспешно поклонился:

— Вторая молодая госпожа. Я пришел выразить почтение княгине. Надеюсь, я не помешал?

Взгляд Гу Жухуэй на миг задержался на мочках его ушей.

— Раз уж пришел навестить больную, оставь церемонии. Идем со мной.

Сяодун послушно засеменил за ней. Они вошли в опочивальню. Возле постели столпились лекари и служанки. Все замерли, боясь издать хоть звук, но от присутствия стольких людей в комнате казалось, что воздух застоялся и стал тяжелым.

В этой звенящей тишине легкие шаги Гу Сяодуна прозвучали слишком отчетливо. Лежащая на постели Ань Жои выглядела бледной и изнуренной. Заметив вошедшего, она лишь скользнула по нему тусклым взглядом, и лицо ее выразило еще большую усталость:

— Зачем ты пришел?

— Я хотел проведать вас... — Сяодун заметил, как ей плохо, и у него тут же зашипало в глазах. В памяти невольно всплыл покойный приемный отец, угасавший от неизлечимого недуга. — Ваше Высочество, позвольте мне ухаживать за вами? Я немного смыслю в лечебном деле и умею делать растирания. Вам станет легче...

— Ценю твою заботу, — равнодушно отозвалась Ань Жои и перевела взгляд на дочь.

Гу Жухуэй с чашей в руках опустилась на край постели. Мать и дочь держались с безупречным изяществом, гармонично дополняя друг друга, точно переплетенные ветви редких растений.

— Молодой господин просто хочет выразить сыновнее почтение. Он еще дитя, чист душой, — с мягкой улыбкой проговорила Гу Жухуэй, а затем повернулась к Сяодуну: — Сяодун, у княгини предостаточно слуг. Ты высказал свое почтение, а теперь возвращайся к себе, пока снегопад не усилился. Дороги совсем замело.

Сяодун поник от обиды, но послушно кивнул. Уходя, он бросил последний взгляд на Ань Жои и вдруг заметил мочку уха Гу Жухуэй. У нее тоже были проколоты уши, и пара изящных серег, напоминавших крошечные поясные подвески смирения, покачивалась при каждом движении, подчеркивая безупречную линию шеи.

В этот миг Сяодуна пронзило странное, щемящее чувство: эти две женщины казались ему бесконечно далекими. Их мир был замкнутым, крошечным и чужим, а сами они походили на двух прекрасных, но безжизненных птиц, искусно вышитых на шелковой ширме.

Чанло лежал на севере, и зимние метели бушевали здесь не шутя, заматавая город день за днем. С наступлением последнего месяца года приближались праздники, и в поместье Гу началась суеда. Все от мала до велика сбивались с ног от забот, а Гу Сяодуна заставили заниматься еще усерднее. Наставники по закаливанию тела изнуряли его тренировками так, что кости ныли от невыносимой боли.

Он уже давно зубрил правила приличия и знал, как должен вести себя благородный господин,

но двенадцать лет вольной жизни в Цзянху невозможно было стереть за несколько месяцев в богатом доме. То и дело в его манерах проскальзывала прежняя непринужденность, которую строгие учителя немедленно клеймили «легкомыслием».

Минуты свободы выпадали редко. Единственным утешением для Сяодуна была мысль о пятнадцатом числе, когда должен был вернуться Гу Цзиньюй. Однако этот большой сучок, несмотря на юный возраст, оказался завален делами и пообещал прибыть лишь к самому кануну Нового года.

Приуныв, Сяодун упросил Фэнзэня немного перекроить расписание занятий, чтобы после полудня отправиться на тренировочное поле и развеяться верховой ездой.

Добравшись до конюшен, он не стал сразу седлать своего пони, а побежал к великолепному скакуну Гу Цзиньюй и принялся корчить коню рожицы и активно размахивать руками.

Этот чистокровный скакун унаследовал всю высокомерную холодность своего хозяина. Он гордо вскидывал голову и косился на Сяодуна с таким презрением, будто тот был назойливой мухой.

Пока Сяодун увлеченно передразнивал коня, позади него раздался тихий смешок:

— И что это ты вытворяешь перед Взглядом на север?

Сяодун испуганно вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял Гэ Дунчэнь. Прозвище «липучка» едва не сорвалось с языка Сяодуна, но он вовремя сдержался:

— Господин Гэ... Вы все еще не уехали домой?

Гэ Дунчэнь добродушно рассмеялся:

— А что, я уже объел ваши кладовые?

Сяодун замотал головой. По правде говоря, помня предостережения Гу Цзиньюй о давней вражде между кланами Ань и Гэ, ему следовало держаться от этого человека подальше. Но день тянулся так тоскливо, что он не удержался от расспросов:

— Так этого заносчивого коня зовут Взглядом на север?

Гэ Дунчэнь подошел ближе и уверенно взял поводья. Стоило ему протянуть руку, как гордый скакун тут же покорно опустил голову. Сяодун так и раскрыл рот от удивления:

— Ого! Он больше не важничает. Похоже, он вас боится!

— Еще бы! Когда я гостил здесь и тренировался вместе с Цзиньюем, я частенько брал его без спроса, чтобы прокатиться с ветерком, — Гэ Дунчэнь ласково похлопал жеребца по шее. — Сяодун, сейчас он смирный, можешь подойти.

Упустить такой шанс было нельзя. Сяодун подбежал поближе и робко положил ладонь на лоб могучему коню, который обычно смотрел на него свысока. И скакун действительно стоял смирно, послушно подставив голову под его пальцы.

Гэ Дунчэнь ухмыльнулся:

— Хм, я думал предложить тебе оседлать Взгляда на север, но, глядя на тебя... Ты слишком мал. Твой удел — вон тот белый пони.

— Я знаю, что маленького роста, и на большого коня даже не претендую, — спокойно парировал Сяодун.

Он смерил взглядом Гэ Дунчэня, который был выше его на целую голову, и хотя ничего не сказал, на его лице было написано: «Ну и дылда».

Гэ Дунчэнь сразу все понял по его выражению и снова рассмеялся. Похлопав жеребца, он пробормотал:

— Взгляд на север, Взгляд на север... Твой хозяин — редкостная язва, раз дал тебе такую кличку.

Это разожгло любопытство Сяодуна:

— Почему это язва?

Гэ Дунчэнь только этого и ждал:

— У нас дома тоже есть великолепный конь. Отец подарил его матушке, чтобы та не скучала, и она назвала его Наньван — «Взгляд на юг». Понимаешь, моя матушка родом с Юга, и утонченная столичная знать Чанло так и не приняла ее. Кличка коня сразу стала поводом для насмешек в светских кругах. А этот негодяй Гу Цзиньюй нарочно назвал своего скакуна Бэйваном — «Взглядом на север», чтобы поиздеваться надо мной.

— Не обязательно. Может, это просто совпадение? Наш князь ведь правитель Севера, Князь Чжэньбэй... — попытался заступиться за друга Сяодун, но потом с сочувствием добавил: — И все же твоей матушке, должно быть, очень нелегко. Чанло так далеко от ее родных мест.

Наверное, она чувствует себя бесконечно одинокой.

Улыбка Гэ Дунчэня на мгновение стала прохладной.

— Вот поэтому тебе нужно чаще бывать с ней, — резонно заметил Сяодун, делая шаг назад, чтобы держаться на расстоянии. — Если ты будешь радовать ее, глядишь, она переименует коня из «Взгляда на юг» в какого-нибудь «Домоседа».

Гэ Дунчэнь на секунду лишился дара речи, а потом искренне расхохотался:

—... Да уж, придумывать прозвища ты мастер.

«А у меня ты вообще зовешься липучкой».

Сяодун промолчал. Он развернулся, намереваясь забрать своего пони, но Гэ Дунчэнь увязался за ним, продолжая болтать без умолку:

— Братец Сяодун, меня вот какой вопрос мучает: почему ты перестал звать меня братом Дунчэнем?

— Потому что это неприлично, — буркнул Сяодун, выводя своего белого пони. Рядом с маленькой лошадкой он и сам казался крошечным. — Господин Гэ, вам что, совсем не хочется возвращаться домой?

Гэ Дунчэнь пропустил вопрос мимо ушей и с улыбкой спросил в ответ:

— А тебе? Твой дом ведь тоже не здесь. Ты ведь просто гостишь у родственников. Когда ты вырастешь, вернешься на свою родину, в Восточные земли?

Сяодун крепче сжал поводья. Пони тепло фыркнул ему в ладонь. Несколько мгновений мальчик молчал, погрузившись в свои мысли, а потом сморщил нос и сердито посмотрел на собеседника:

— И не подумаю говорить! Хм!

С этими словами он ловко вскочил в седло и пустил пони легким галопом по манежу, весело лова ладонью свистящий ветер.

Гэ Дунчэнь с интересом провожал его взглядом. На лице мальчишки все было написано настолько явно, что скрывать мысли тот просто не умел. Что ж, впереди еще много времени, а значит, у них будет масса возможностей раскрыть все секреты друг друга. И хорошенько

повеселиться.

Время пролетело незаметно, и вот наступил канун Нового года — единственный день, когда Сяодуну наконец позволили не учиться. Он проснулся ни свет ни заря. Праздник стоял на пороге, за окном завывала метель, укрывая землю тяжелыми сугробами. Прижавшись лбом к холодному стеклу, мальчик смотрел на падающие хлопья снега. Из Западного сада процветания доносились отголоски праздничной суеты — там слуги буквально сбивались с ног. Сяодун втайне надеялся, что его позовут на общий праздничный ужин, но с наступлением сумерек эти надежды растаяли. Приуныв, он отошел от окна и принялся греть озябшие руки у жаровни.

В прошлом году в это самое время приемный отец водил его и названного брата гулять по праздничным улицам. Они бродили среди ярких огней до глубокой ночи, пообещав друг другу бодрствовать до самого рассвета. Но Сяодун был еще мал и быстро заснул прямо на ходу. Отец и брат по очереди несли его на спине до самой гостиницы. Их плечи были такими теплыми и надежными... Он спал под грохот праздничных хлопушек, а проснувшись утром, обнаружил под подушкой красные конверты с монетками на счастье.

Те счастливые дни остались в прошлом. Пытаясь скрасить нынешнее одиночество теплыми воспоминаниями, Гу Сяодун сел за столик, чтобы поужинать. К счастью, Фэнъэнь решил порадовать его и приказал поварам приготовить все любимые блюда молодого господина, забыв на один вечер о строгих предписаниях врачей.

Сяодун обожал дары моря. Он с упоением чистил креветок и выбирал косточки из нежной рыбы. Рядом с собой он поставил еще два прибора и, съедая кусочек сам, заботливо перекладывал лучшую часть в пустые чашки — для тех, кого не было рядом.

Едва он закончил трапезу, как в окно негромко постучали. Фэнъэнь поспешил открыть раму, и внутрь, шумно хлопая крыльями, ворвался огромный темный кречет. Он уверенно приземлился прямо на обеденный стол и замер, гордо выпятив грудь. Его круглые черные глаза воинственно блестели.

Испугаться Сяодун не успел — его захлестнул чистый восторг:

— Догоревший фитиль!

Гу Цзиньюй не пришел сам, но прислал своего грозного любимца.

Сяодун бросился к птице, как к старому другу, и принялся торопливо искать на столе остатки еды:

— Ой, ты голодный? Я уже все съел, но постой, я сейчас почищу тебе креветку!

Кречет высокомерно вскинул голову. К обеим его лапам были привязаны крошечные бамбуковые футляры для писем. С царственным изяществом птица сначала приподняла левую лапу, демонстративно встряхнув ею.

— Это от сучка? — Сяодун просиял еще больше. В такую глухую морозную ночь, когда все поместье было занято праздником, кто-то вспомнил о нем. Одно это согревало душу.

Быстро вытерев пальцы, он бережно снял футляр с лапы Догоревшего фитиля.

— И что же он там написал? Или, может, нарисовал что-нибудь?

Но стоило ему развернуть тонкую полоску рисовой бумаги, как он застыл. Схватив письмо, Сяодун бросился к письменному столу, аккуратно разгладил его и принялся вчитываться. Спустя мгновение до него дошло: это было письмо от Чжан Дэнцина.

Он громко, навзрыд разрыдался, но тут же поспешно зажал рот ладонью и зажмурился, боясь, что слезы капнут на бумагу и размоют драгоценные чернила.

Фэнъэнь встревоженно шагнул вперед, а кречет, словно все понимая, плавно перелетел со стола на плечо мальчика. Сяодун больше не боялся этой огромной хищной птицы — он крепко обнял Догоревшего фитиля, согревая его замерзшие перья своими ладонями и без конца нашептывая слова благодарности.

Фэнъэнь не на шутку перепугался, хотя птица вела себя на удивление смирно:

— Молодой господин, кречеты — опасные хищники. Пожалуйста, поосторожнее с ним.

Сяодун послушно разжал объятия и, шмыгая носом, принялся читать послание Чжан Дэнцина. Но хитрый Догоревший фитиль тут же уткнулся клювом ему в грудь, поудобнее устраиваясь на его коленях и явно не собираясь улетать.

Фэнъэнь не сдержал улыбки:

— Никогда не видел, чтобы эти гордые птицы были столь ласковы... Должно быть, четвертый молодой господин приложил немало усилий, дрессируя его.

Сяодун прижал птицу к себе и сквозь пелену слез принялся перечитывать письмо от близкого человека.

Почерк был таким знакомым, родным, словно Чжан Дэнцин стоял рядом и негромко говорил с ним. Каждая строчка дышала теплом и заботой. Он писал, что в его спешном отъезде из поместья Гу никто не виноват, а если и винить кого, то лишь «Второго» — так он иносказательно назвал второго принца, Гао Минцзяня. Сяодун сердито закивал: конечно! Если бы не этот пакостный принц, Чжан Дэнцину не пришлось бы терпеть наказание.

Далее Чжан Дэнцин рассказывал, что сейчас находится в одной из отдаленных провинций, подконтрольных войскам клана Гу. За эти беспокойные месяцы он наконец-то обустроился и привык к новой обстановке. Он давно хотел отправить весточку, но из-за строжайшего надзора не мог этого сделать, пока к нему внезапно и бесшумно не прилетел крик, не на шутку его перепугав.

Каждое слово было написано именно так, как говорил сам Чжан Дэнцин. Сяодун читал и плакал от облегчения и тоски. Закончив чтение, он тут же принялся раскладывать чистый лист бумаги, чтобы написать ответ.

В этот момент Догоревший фитиль снова зашевелился и вежливо приподнял правую лапу, показывая второй бамбуковый футляр.

Сяодун поспешно снял его, втайне надеясь на еще одну весточку от родных, но, развернув записку, увидел почерк Гу Цзиньюя и разочарованно надул губы.

Впрочем, унывать он не стал. Потерев глаза, Сяодун вчитался в ровные строчки. В письме тоже было много теплых слов поддержки, от которых на душе становилось легче. Одно лишь привело его в замешательство: первая строчка гласила «Для Шаньцина», а в самом конце стояла приписка — «От Сэньцина».

«Все верно, это точно мне! Наверное, это наш тайный шифр».

Сяодун перечитывал записку снова и снова, пока на его лице не расплылась счастливая улыбка.

— Что ж, пускай будет так.

Он склонился над столом, выводя аккуратные иероглифы благодарности и делясь своими мыслями. Дрожащий свет свечи отбрасывал его длинную тень на стену, словно унося прочь беззаботное, наивное детство.

Забрав ответные письма и небольшие гостинцы, Хуацзинь вылетел в распахнутое окно, растворяясь в снежной пелене. Птица летела над владениями поместья князя Чжэньбэй — мимо Восточного лесного сада и Западного сада процветания. Ночь окончательно вступила в свои права. С высоких императорских башен донесся тяжелый, мерный звон колокола, возвестивший о наступлении полуночи девятью мощными ударами. Город тут же взорвался грохотом праздничных хлопучек и взрывами петард, провожая уходящий год. Но гордый

кречет мчался вперед сквозь метель, не зная, что за время его полета на земле сменился целый год.

Гу Цзиньюй вернулся в свои покои лишь глубокой ночью. От него пахло дорогими благовониями и пороховым дымом праздничных фейерверков; лицо его казалось бледным, уставшим и безучастным ко всему миру. Стоило ему переступить порог спальни, как Догоревший фитиль привычно опустился ему на плечо и тихо, требовательно закурлыкал.

Цзиньюй ласково снял птицу и прижал к себе. Поглаживая перья на ее шее, он почувствовал что-то жесткое. Запустив пальцы глубоко под густой пух, он нащупал тонкий алый шнурок. Вытащив его наружу, он обнаружил нанизанную на него старую медную монетку-амулет Горного духа.

Цзиньюй недоуменно нахмурился. Он освободил от футляров ответные записки и быстро пробежал глазами строчки, написанные неровным почерком Сяодуна. На его губах появилась едва заметная, горькая усмешка.

«Деньги на счастье?»

Он покрутил монетку в пальцах, а затем небрежным щелчком отправил ее на пол. Раздался негромкий звон покотившейся меди. Затем он поднес письмо, адресованное ему, к пламени свечи и хладнокровно сжег его.

— Глупый маленький дурачок... Защита от напастей в новом году нужна только тебе.

<http://bllate.org/book/20609/2135045>